

АНОНИМНЫЕ ЛОГИСТИКИ⁴

Это одна из моих первых историй, немаловажным фактом для рождения которой стало то, что я – акционер одной из крупнейших в Эстонии логистических фирм. Более того, я еще и председатель правления в ней, так что с логистикой знаком лично и очень близко. В какой-то момент у меня возник вопрос: как далеко можно зайти в стремлении к перфекционизму во всем? И какими бы людьми мы были, если бы рациональность затмила всю нашу иррациональность и все наши эмоции?.. Эти размышления и натолкнули на тему рассказа. Кстати, в этой истории на удивление много биографической правды. Вы даже не представляете, сколько.

Началось это четыре года назад, когда я оказался на курсах по основам логистики. То, чем я тогда занимался на работе, частенько ставило меня в тупик, я чувствовал себя потерянным и, чтобы понять, что к чему, записался на все мыслимые и немыслимые курсы. Помню охватившее меня волнение, когда лектор с безупречной осанкой скользнул по диагонали через весь зал цепким оценивающим взглядом и произнес:

– Здравствуйте!

Ничего проще, понятнее и гениальнее нельзя было и выдумать. Здравствуйте! Прямо в яблочко! Предыдущие курсы, на которые я сходил как раз за неделю до логистических, начались с беспредметного трепача какого-то небритого мужика в

---

⁴Премия им. Фр. Тугласа 2006 г. за лучшую новеллу.

шерстяной кофте, что, мол, утро сейчас, или день, или ночь в определенном смысле никакого значения не имеет, и потому он не собирается приветствовать нас с использованием привязки ко времени, а если на проблему взглянуть глобальнее, то к чему вообще здороваться, разве эта формальность кого-нибудь осчастливит или, наоборот, сделает несчастнее... Ох, помнится, одно это предисловие вызвало у меня такую головную боль, что сконцентрироваться на самой теме уже не было никакой возможности. Основы философии... Какая польза от предмета, главная добавленная стоимость которого – это полная путаница плюс двухчасовая головная боль. Посидев немного для приличия, я улучил момент и смылся. А вот лектор курса логистики не забудется никогда. То, как он прошагал кратчайшим путем от двери к столу, с какой рациональностью разложил свои материалы на левом углу стола, откуда потом их было сподручно брать для демонстрации, как ловко расстегнул две пуговицы на пиджаке и каким размашистым жестом накинул его на спинку стула, не помяв и не сделав ни единой складочки. Как он затем взошел на кафедру, обаял нас своей мимолетной улыбкой и приступил к лекции. Помню, капнувшую на руку слюну. Лишь тогда я сообразил захлопнуть рот – все время этого до тонкостей продуманного вступления я просидел с отвисшей от восторга челюстью.

Сегодня, спустя четыре года, я и сам мог бы тому лектору дать не одну дюжину советов, как сделать свою жизнь еще более эффективной. Тут я преуспел. И надо признаться, что в известном смысле это стало проблемой.

Теперь, когда у меня полно времени для раздумий и воспоминаний, я понимаю, что на самом деле все началось гораздо раньше, а не с тех курсов. Помню лето в студенческой дружине. Это было мое второе лето. Отряд оказался на редкость

удачным: лихие и изобретательные ребята, веселые и симпатичные девчонки. Со второй половины срока, когда всеобщая дружба в значительной степени переросла в нечто большее, мы, ребята, завели моду ходить вечерами к девочкам и целовать их на сон грядущий. Как-то в конце июля, придя в одних трусах в девчачью комнату и любуясь ими в свете полной луны, мы возбужденно обсуждали, кому кого целовать. И вот тогда-то неожиданно я направился к самой ближайшей кровати. А поскольку девчонки нашего отряда все как на подбор были красавицами, то и не было никакой разницы, кого именно целовать. Я пошел кратчайшим путем. С той ночи мой поцелуй на ночь доставался самой ближайшей девочке. Это не всегда была одна и та же. Нет. Время от времени они менялись кроватями. Зачем – непонятно. Мой разум не смог уловить смысла этих перемещений. И когда потом у костра кто-то из девочек поинтересовался географической тактикой моих поцелуев, я ответил, что выбираю кратчайший путь до поцелуя. Все выпали от хохота, и тепленькое местечко во многих сердцах мне было обеспечено. Но я-то не шутил.

Не помню, когда целовался в последний раз. Ну, не могу я заниматься бессмыслицей. Я делаю только то, что нужно, шевелю только нужными частями тела, напрягаю только нужные мышцы, обдумываю только нужные мысли. В нужный момент, в нужном месте и в нужном объеме... Всегда. Но одно обстоятельство тревожит меня. Я не владею своими чувствами. Иногда неожиданно раздражаюсь, негодую, злюсь, впадаю в отчаяние. Будь на то моя воля, я бы уничтожил в себе гены, ответственные за все эти глупости. Ведь эмоции – это пустая трата времени. Причем не только негативные. Какой смысл, например, в радости от победы? Урра! Что – ура-то? Зачем? Что это дает? И что такое победа, чтобы так уж ликовать из-за нее? Существует результат, то есть счет, есть промежуточные

итоги. Естественные составляющие процесса. Отчего тут в восторг-то впадать?

С самого раннего детства я преклонялся перед своим дедом. Даже в девяносто он имел обыкновение садиться за письменный стол и неспешно думать свою думу. За его спиной на полке красовались шедевры мировой инженерно-технической мысли вперемежку с документальными путевыми заметками знаменитых путешественников. Одна только рациональная информация. Никакой бесполезной беллетристики. Когда я достаточно подрос, дед посвятил меня в мир своих доходов и расходов. Начиная с 1938 года, на каждый календарный год у него было заведено по блокноту с самым дотошным перечнем всех полученных доходов и сделанных расходов. У нас была такая игра – я наугад называл какой-нибудь год и месяц, а дед в соответствующем блокноте находил запись и зачитывал, как двигались финансы в этот отрезок времени. С точностью до цента. Иногда в записях был отмечен еще рост и вес деда. Он взирал на меня с победоносным видом, и я чувствовал себя внуком гения.

Помнится, как-то раз дед взял меня с собой в церковь. Прежде я в ней никогда не бывал. И вообще в то время я не слишком часто бывал в церкви. Когда дед позвал меня с собой, я, честно говоря, очень удивился. Дед – и вдруг церковь? Я знал, что время от времени ему нравилось послушать умиротворяющую музыку органа, однако, будучи человеком рациональным, дед обычно делал это, возясь за своим столом и настроив приемник на классическое радио. Итак, мы отправились в церковь. Она оказалась какой-то не такой. Я не сразу сообразил, что в ней было не так, но постепенно дошло – в церкви отсутствовала та помпезность и символика, которая обычно встречает и обволакивает человека в божьих храмах.

Эта церковь была простой. Простые скамьи, простые окна, простой алтарь, простая роспись стен, простой свод... Дед внимательно огляделся, постучал по стенам, пощупал двери и скамьи, осмотрел балки. После чего одобрительно кивнул, и мы ушли. По дороге домой дед рассказывал мне о работе. На своем веку он спроектировал немало мостов, жилых домов и производственных зданий. А еще он спроектировал одну церковь. Именно из этой церкви мы сейчас и возвращались.

Когда на финишной прямой жизни дед попал под машину и ему переломало обе голени и размозило ступни, нам сразу стало ясно, что так – в лежачем положении – дед жить дальше не намерен. И оказались правы: перед Рождеством он объявил нам, что подарков от Деда Мороза он в этом году не ждет. По счастью, все вошло в положение и оградили его от кучи ненужных шерстяных носков, линеек и приходно-расходных книг. «В тот» день мы все собрались у дедовского смертного ложа, и каждый говорил ему что-нибудь на прощание. Пришел мой черед. Я посмотрел на обрубки его ног, которые в результате несчастья стали сантиметров на двадцать короче, и спросил, как дед отнесется к тому, что мы похороним его в несколько укороченном гробу. Теперь, раз физическая надобность в длинном гробу отпала, мы преспокойно обошлись бы значительно более коротким, а значит, и дешевым экземпляром. Помню оторопь, с которой все воззрились на меня. В глазах же деда мелькнуло нечто вроде попытки калькуляции, и он с благодарностью одобрил идею, обозначив это легким пожатием моей руки. Так мы и сделали.

Выходит, рациональное мировоззрение у меня в генах. Оно было у моего деда, построившего настолько «деловую» церковь, что мистическая божественная аура оказалась в ней чужеродной, оно было у моего отца, купившего сразу четыре

пары лыжных ботинок, поскольку стоили они баснословно дешево, оно есть у меня, взвешивающегося до и после съедения киви, чтобы затем до грамма определить вес ягоды, оно есть у моего сына, который перед тем как наложить в штаны, всегда предупреждает об этом ровно за две секунды. И так далее. Однако я уже не испытываю по этому поводу чувства гордости. Во всяком случае, не какраньше.

На протяжении своей не очень долгой, зато весьма насыщенной и плодотворной карьеры я довел шесть фирм до такой степени идеального функционирования, что если бы это были какие-то глобальные предприятия, то каждый из шести миллиардов жителей земли ощутил бы пользу на себе и от души порадовался бы. Судите сами: все делается исключительно для пользы дела и при этом абсолютно никакой рекламы и прочей маркетинговой белиберды. На последнем месте работы я дошел с оптимизацией процесса так далеко, что в конце концов пришлось самому себя сократить. Перед этим я доказал совету, что если затеянные мною преобразования стопроцентно воплотить в жизнь, то и исполнительный директор, и руководитель по маркетингу окажутся в фирме лишними. Будучи людьми жадными, они после некоторых колебаний с моим предложением согласились. А я как честный человек там же заручился их согласием на свое увольнение через двадцать шесть дней. Именно столько времени требовалось для запланированной мною реорганизации.

Пока я в своей однокомнатной квартирке жил сам по себе, все было просто. Логистика моей жизни была столь упорядочена, что вполне могла претендовать на Нобелевскую премию за инженерно-технические достижения в деле организации быта. Мой милый полностью автоматизированный крошеч-

ный рай... Все стало меняться, когда я решил жениться. Но как-то ведь надо было продолжить род. Особенно, если в твоих жилах течет отфильтрованная поколениями до совершенства кровь закоренелого рационалиста. Итак, в мою жизнь вошла женщина. И хотя я знал, что женщины – существа какие угодно, только не рациональные (я хорошо запомнил поэтические сборники моей бабушки и бесконечные светские беседы по телефону моей мамы), жена бросила мне поистине серьезный вызов. То, в каком порядке я складывал на стул свои вещи перед сном, с какой точностью по утрам выдавливал из тюбика нужную дозу зубной пасты, насколько точно умел отмотать от рулона туалетную бумагу, чтобы потереть задницу, как логично расставлял в холодильнике продукты, как умудрялся выудить из бутылки кетчуп до последней капельки – все это не находило в моей жене ни малейшего одобрительного отклика. Да бог с ним, с одобрением – какой толк от пустой эмоции?! Но я чувствовал, что жена просто-напросто не понимает меня. Она, которая сыплет в стиральную машину столько порошка, что им можно было бы отдраить форму трех футбольных команд, она, чьи волосы вечно засоряют водослив раковины и ванны, ибо ей, видите ли, лень расчесываться над мусорным ведром, она, выбрасывающая картофельные очистки, которыми можно было бы досыта накормить всех четверых детей наших соседей, она, притаскивающая из магазина целую тонну баночек с кремами, чтобы потом привередливо выкинуть половину на помойку, она, щелкающая телевизионным пультом с такой частотой, что я не могу уловить, что делают телепузики в ток-шоу Урмаса Оття и в составе какого гоночного экипажа будет выступать в ралли следующего года Марье Аунасте⁵. И она меня не понимает! Мамма мия!

---

⁵ *Урмас Оття* и *Марье Аунасте* – легендарные эстонские телеведущие.

Ну да ладно... Вообще-то с этим молчаливым непониманием можно было бы и смириться, но однажды она перешла Рубикон. Я сидел вечером на диване и смотрел по телевизору, как каскадеры готовятся к исполнению трюков. Профессионалы высокого уровня, тут уж ничего не скажешь, но ведь случается, что по недосмотру какой-нибудь винтик или болтик не завинтят до конца, – и на тебе, получите пышные каскадерские похороны. Так вот, я сидел на диване, и было у меня два желания – отлить и попить. Дождавшись рекламной паузы, я поднялся, левой рукой сгреб со стола недопитый больше чем наполовину стакан с пивом и направился в туалет. Кухня была чуть дальше, в метре от туалета. Двигаясь к туалету, я правой рукой расстегнул ширинку и высвободил член. Поскольку дверь в туалет была приоткрыта, я заметил, что стульчак поднят. Это давало мне ощутимый выигрыш во времени, поскольку я мог расслабить сфинктер уже за пару шагов до унитаза. Так я и сделал. Добавлю, что пока шел, я еще и выхлебал на ходу остатки пива. Само собой, мои расчеты оказались верными. Струя мочи, брызнувшая из члена ровно с последним шагом, в нужный момент попала точно в намеченную цель, не оставив на краях унитаза ни единой капельки, свидетельствующей о небрежном промахе. Когда я, удовлетворенный, вышел из туалета, то увидел стоящую в дверях кухни жену. С открытым ртом и стеклянным взглядом. Я обошел ее, чтобы премиривать себя пивком из холодильника. Жена в оцепенении стояла ко мне спиной. Я мастерски налил пиво в стакан, следя за тем, чтобы слой пены не превышал двух–двух с половиной сантиметров. И тут она заговорила. Она сказала, что наблюдала за мной, словно в замедленной съемке. Видела, как я шел, уткнувшись носом в стакан, как одновременно с этим зорко примеривался к туалету, как вытаскивал из штанов свой член и как,

помилуй господи, желтая струя вырвалась из моего пениса и как она испугалась, что я залью и пол, и стены, и ее заодно, но как эта струя, описав в последний момент крутую дугу, зажурчала в унитазе. Все это так потрясло ее, что за весь вечер она не вымолвила ни слова.

Я воспринял ее реакцию как комплимент, похвалил себя за терпение и поздравил с тем, что наконец-то мои мучения принесли плоды. Ночью я решительно взобрался на жену и отметил нашу маленькую победу – по-быстрому попрыгал на ней. К моему великому изумлению, наутро жена упаковала свои манатки и ушла. По счастью, оплодотворенная. В следующий раз я услышал о ней месяцев через девять. У нас родился сын, и мне было позволено видеться с ним каждое воскресенье. Эта новость порадовала, ибо я не ощущал достаточной мотивации, чтобы даже для воспроизведения потомства заводить новую связь с какой-нибудь представительницей иррационального женского племени.

И вот теперь я здесь. Место, надо сказать, своеобразное. Мы сидим кружочком, нас пять человек и четверо из нас больны. Так, во всяком случае, полагает тот пятый, который считает себя здоровым.

Уже и не припомнить, как я сюда попал, зато хорошо помнится первый раз. Сеанс должен был начаться «примерно, так около шести вечера», как было обозначено в буклете. Эта неопределенная формулировка всех разозлила. Ровно в 18.00 в комнате стояли четыре абсолютно чужих друг другу человека, и по нашим лицам было видно, что организатора данного мероприятия среди нас нет. Помещение было мерзким: разноцветные веселенькие шторы, разномастные стулья, хаотично расставленные по комнате, в одном углу навалена куча каких-то цветастых подушек, потом еще полка

со всякой всячиной и стопками бессмысленных журналов. На потолке несуразная люстра, в которой жадно заглатывали энергию самые неэкономичные лампочки из тех, что я когда-либо встречал. Мы все чувствовали себя неловко. Переминались с ноги на ногу, не осмеливаясь ни присесть, ни что-либо тронуть. Наконец в комнату вошел пятый человек. Женщина. Улыбнулась нам с невинным видом и сообщила, что она Катрин. В ответ мы посмотрели на свои наручные часы. Они показывали 18.18.

Со временем мы хорошо узнали друг друга. Я встретил здесь очень интересных людей, с которыми чувствую себя прекрасно. К примеру, Арведа. Он всегда сидит слева от меня. Арвед ежеутренне и ежевечерне взвешивает свою жену, двух детей-подростков и взвешивается сам. За восемнадцать лет брака он собрал столько статистических данных, что благодаря им вычисляет на будущее динамику изменения размеров тел домочадцев. С трехлетней периодичностью. А учитывая еще и тенденции мировых рынков, индексы подорожания жизни и прогнозы конъюнктуры центробанком, он составил математическую модель семейного бюджета, с помощью которой способен предвидеть, сколько денег придется потратить на одежду и питание, например, в 2014 году. С вероятностью 98,5 процента. Мы все очень уважаем Арведа. Все, кроме Катрин.

Или взять Мартина. Отличный малый. В результате доскональных расчетов, он пришел к некоторым весьма интересным выводам. Например, Мартин обнаружил, что восемьдесят процентов траектории передвижения членов его семьи внутри дома происходит всего лишь на двадцати процентах общей площади строения. Добавив к квадратным метрам, необходимым для ходьбы, еще и площади под мебелью, он спроектировал новое жилище. На меньшем в четыре раза

пространстве семья живет почти так же, как раньше. Зато какой выигрыш на строительстве! Какая выгода в эксплуатации! Не говоря уже о том, что дом Мартина стоит на участке в тридцать восемь квадратных метров, который по цене бутерброда он купил у одного мужика, когда у того от старости умер цепной пес и он не знал, куда девать его конуру. Мы считаем Мартина гением. А вот эта Катрин опять-таки не разделяет нашего мнения.

Ну и, конечно же, Отть. О том, что у него варит башка, говорит уже тот факт, что он сменил имя – теперь он Отть Котть. Родители, носившие фамилию Готтлиб, назвали его Отто. Господи помилуй! Отть Котть, с инициалами ОК – имя, о котором мечтает любой здравомыслящий человек. Отть был таксистом. Он развил в себе потрясающие способности минимизировать затраты своего такси и при этом предлагать при обслуживании максимум удобств. Два цилиндра из четырех он демонтировал, поскольку, вычислив среднюю скорость в городе, а она оказалась 27 километров в час, он решил, что в четырех цилиндрах нет никакой надобности. Цилиндры Отть толкнул на авторынке Кадака, вырученные деньги сунул в конверт и отправил на адрес руководства таксофирмой. Расход бензина был у Оття пустяковым. Помимо экономии в результате уменьшения кубатуры мотора, Отть у себя в гараже в бочке, припасенной специально для этого, смешивал бензин с дешевым керосином. Себестоимость топлива получалась на треть ниже обычной. Выбирая маршрут, Отть всегда исходил из оптимизации километража, не брезгуя при этом окольными улочками, порой пренебрегая дорожными знаками и срезая путь по газонам. И все для того, чтобы доставить клиента до места самой короткой дорогой. Бессмысленные датчики на арматурной доске Отть поменял на бутафорские из картона, переведя полученные от продажи оригинальных датчиков

деньги до последнего цента на банковский счет фирмы. Вот такая умница этот Отть.

И вот теперь мы тут: Арвед, Мартин, Отть и я. Четверо классных парней. Мы делаем вид, что слушаем эту Катрин, которая считает, что лечит нас от страшной болезни. Она называет нас анонимными логистиками. Вообще-то, в глубине души мы даже гордимся этим. Логистика – это ж как звучит! Логистика – это упорядоченность и совершенство. Она делает из человека Человека. Это то, что отличает нас от животного. Мы способны собрать воедино все рациональные теории, производить расчеты и измерения и делать логичные выводы. Мы не выносим расточительности. Мы воспроизводим жизнь одним-единственным актом зачатия. Но если вдуматься, то в известном смысле и это – перевод добра. Погодите-погодите... Сколько там было сперматозоидов в одном семяизвержении? Когда вернусь домой, обязательно изучу этот вопрос. Я просто уверен, что здесь существует скрытая возможность крупно сэкономить и одновременно решить проблему прироста населения планеты. Видите, какие здравые и замечательные мысли. Разве может это быть болезнью.